

РЕВОЛЮЦИИ КАК ФАКТОР ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ И РЕКОНФИГУРАЦИИ МИР-СИСТЕМЫ В XXI СТОЛЕТИИ И АФРАЗИЙСКАЯ МАКРОЗОНА НЕСТАБИЛЬНОСТИ*

Леонид Ефимович Гринин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт востоковедения РАН

В настоящее время Мир-Система и мировой порядок явно испытывают процесс значительных перемен. В этой статье мы анализируем, как могут быть связаны революции XXI столетия с трансформациями Мир-Системы и мирового порядка. При этом мы основываемся на собственной теории периодического подтягивания отстающей политической составляющей Мир-Системы к экономической составляющей. Такое подтягивание происходит, но оказывается сложным и турбулентным. Революции при этом являются частью широкого и конфликтного процесса подтягивания политической составляющей Мир-Системы к ее экономической составляющей, вызывающего сильные структурные трансформации в мире. Эти приводящие к сильному напряжению и конфликтам трансформации мы назвали процессом реконфигурации Мир-Системы. Мы полагаем, что этот процесс начался с событий Арабской весны.

В этой статье мы предлагаем результат нашего анализа указанной реконфигурации Мир-Системы, рассматриваем, как этот процесс связан и будет связан с революционным процессом XXI столетия. Мы анализируем также то, как революционный процесс будущего может быть связан с общими процессами дестабилизации в различных частях Мир-Системы, и в частности – в Афроевразийской зоне нестабильности. Мы исходим из того, что революционный процесс никогда не происходит изолированно, всегда являясь, с одной стороны, частью более широкого турбулентного про-

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

цесса, иногда занимая в нем центральное, а иногда периферийное место. При этом революционный процесс, особенно революционные волны, обычно требует каких-либо серьезных мир-системных импульсов (вроде экономического кризиса, повышения цен на продовольствие и т. п.), которые сами по себе есть часть дестабилизационного процесса. С другой стороны, революционный процесс усиливает мир-системные и региональные процессы дестабилизации.

Мы ожидаем, что в связи с подтягиванием политической составляющей Мир-Системы к ее экономической составляющей (что в общем случае выступает как глубинная причина деформаций в ней) как число революций, так и их роль как средства, усиливающего трансформации в Мир-Системе, значительно не снизится, а очень вероятно, и возрастет. Мы анализируем будущее революций в соответствии с их типологией, а также в других аспектах: 1) оценки их количества в сравнении с предыдущим периодом; 2) их роли как орудия, определяющего будущий прогресс обществ и Мир-Системы; 3) глубины и силы революций; 4) вероятности революционных волн; 5) возможного изменения форм революционных событий.

Предварительные замечания

Начиная с 2009 г. мы исследовали процессы изменения Мир-Системы в связи с начавшейся Арабской весной и пришли к выводу, что в последующие декады международная система начнет трансформироваться быстрее и более значительно. Иными словами, мы входим в период поиска новых структурных и системных изменений в рамках Мир-Системы. Мы также пришли к выводу, что бурные события Арабской весны можно рассматривать как начало глобальной реконфигурации Мир-Системы, которая в итоге приведет к радикальным переменам в ней. Основная причина этой реконфигурации, как мы покажем ниже, связана с заметным отставанием политической составляющей глобализации от ее экономической составляющей. Однако это будет достаточно длинный и неспокойный период (Grinin, Korotayev 2010: 173; см. также: Grinin 2009; 2012a; 2012b; Grinin 2010; Grinin, Korotayev 2011; 2012a; 2012b; 2016; Grinin *et al.* 2017). Эта статья предлагает результаты такого анализа вместе с новыми прогнозами, которые показывают,

как эти трансформации будут связаны с революционным процессом в XXI столетии.

В настоящей статье мы развиваем эти идеи, показывая, что среди революционных волн есть такие, которые имеют дополнительные важные мир-системные причины для возникновения. К таким волнам, по нашему мнению, относятся волна 1848 г. (где экономические изменения, связанные с индустриализацией и развитием капитализма, явно обогнали политические, см.: Зинькина и др. 2017: гл. 11), волна 1905–1911 гг. в странах полупериферии Азии и Мексики (Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2020), а также волна Арабской весны (Гринин 2012а; см. также: Beck 2014). При этом мы основываемся на собственной теории периодического подтягивания политической составляющей Мир-Системы, которая отстает от ее экономической составляющей, к последней. Такое подтягивание осуществляется, но оказывается сложным и турбулентным. Революции в этом случае оказываются частью широкого и конфликтного процесса подтягивания политического компонента Мир-Системы к ее экономическому компоненту. Арабская весна становится предвестником грядущих серьезных структурных трансформаций мира (см.: Там же; см. также: Гринин 2016; Grinin, Korotayev, Tausch 2019).

Мы анализируем также то, как революционный процесс будущего может быть связан с общими процессами дестабилизации в различных частях Мир-Системы, и в частности, в Афроевразийской зоне нестабильности. Мы исходим из того, что революционный процесс никогда не происходит изолированно, он всегда есть, с одной стороны, часть более широкого турбулентного процесса, иногда занимая в нем центральное, а иногда периферийное место. При этом революционный процесс, особенно революционные волны, обычно требует каких-то серьезных мир-системных импульсов (вроде экономического кризиса, повышения цен на продовольствие и т. п.), которые сами по себе есть часть дестабилизационного процесса. С другой стороны – революционный процесс усиливает мир-системные и региональные процессы дестабилизации.

1. Реконфигурация Мир-Системы и ее проявления

Как мы указывали выше, политические отношения часто не успевают за экономическим ростом. Между тем быстрое экономическое развитие, так или иначе, требует своего рода подтягивания политической системы до соответствующего уровня. В противном случае

внутренние напряжения и противоречия в обществе усиливаются. И чем сильнее они ощущаются, тем больше вероятность возникновения революционных кризисов. Однако изменению политических и социальных институтов во многих обществах препятствуют их жесткость, а также интересы элиты. Такую ситуацию сильного разрыва между уровнем технологического и экономического развития, с одной стороны, и отсталостью политической системы – с другой, можно обнаружить во многих обществах в период нарастания революционного кризиса. Такое отставание одного вектора от другого ведет к появлению разного рода диспропорций, которые оппозиция называет «недостатками режима», способствующих укреплению оппозиции, росту протестов и революционных идеологий. По мере исторического развития такой разрыв стал обозначаться уже и на уровне определенных регионов, что могло приводить к волнам революций, как это было, например, в Западной Европе в 1848 г., в России и Азии в 1905–1911 гг. По мере развития процессов глобализации такой разрыв между экономическим развитием (глобализацией) и институциональными изменениями на уровне международных отношений и мирового порядка (политической глобализацией) становится заметным в целом в рамках Мир-Системы. И это, по нашему мнению, становится источником внутреннего кризиса в Мир-Системе и значительных изменений в ней.

К 2010-м гг. экономическая и финансовая глобализация сильно продвинулась в своем развитии по сравнению с международным правом и политической глобализацией. Иными словами, в рамках глобализации политический процесс заметно отставал от экономического. Мог ли политический компонент глобализации Мир-Системы продолжать отставать от экономического еще в течение десятилетий? Логика здесь совершенно очевидна: внутри социальной системы (как, впрочем, и любой другой) отставание в развитии одного компонента от другого не может быть бесконечным. Следовательно, когда разрыв становится слишком большим, начинается период подтягивания политической составляющей. В этой ситуации развитие экономики должно было замедлиться, что и случилось в результате кризиса 2008 г. И важно понимать, что отставание социального и политического компонентов от экономического и было одной из важнейших причин этого (как и последующего) кризиса (Гринин, Коротаев, Цирель 2011). Это стало ясно не сразу,

однако в связи с другими причинами (в частности, с динамикой длинных кондратьевских циклов [см., например: Grinin L., Grinin A. 2014; Grinin, Grinin, Korotayev 2017b]) дало нам основу для прогноза о том, что в следующие 15–20 лет мировая экономика будет развиваться медленнее, чем в предшествующие годы (Grinin, Korotayev 2010: 172–174; см. также: Гринин 2009; 2012б; Grinin 2010; Grinin, Korotayev 2012b; 2015a; Grinin, Korotayev, Tausch 2016). В то время как экономическое развитие и глобализация будут замедляться, политическая трансформация Мир-Системы усилится.

Таким образом, мы полагаем, что в следующие 20 лет политическая составляющая глобализации так или иначе подтянется к ее экономической составляющей. Мы назвали этот процесс *реконфигурацией Мир-Системы*. Такая реконфигурация происходит в разных формах (см. ниже), в том числе в виде различных протестных и революционных акций (Гринин 2009; 2012a; Grinin 2009; 2010; Grinin, Korotayev 2010; 2012b; 2015b). Один из примеров этого – своего рода волна революционных движений, прошедшая по миру в 2019 и 2020 гг. Изменения, которые быстро охватывают целые группы государств, также остаются возможными.

Но каким же образом это подтягивание происходит? Естественно, что способы такого подтягивания очень важны. Это подтягивание предполагает довольно быстрые изменения, сопровождаемые напряжениями, резкими поворотами и даже катаклизмами. Оно может вовлекать в турбулентные события большие группы стран. Вот почему мы полагаем, что указанное подтягивание политической составляющей должно быть в целом весьма турбулентной эпохой. Кроме того, что оно редко происходит мягко, оно также будет происходить рывками. Такое подтягивание может происходить как за счет развития политического аспекта глобализации, в этом случае общий процесс глобализации движется вперед, так и за счет деградации экономической составляющей глобализации, возврата к протекционизму, потери значения международных организаций, соглашений и прочего, то есть редукции экономической составляющей глобализации к политической. В этом случае общий процесс глобализации будет откатываться назад. Это означает разрушение старого мирового порядка для подготовки к формированию нового. Мы полагаем, что это подтягивание будет идти обоими путями, но неравномерно. Это одно из объяснений, почему

в настоящее время Мир-Система и мировой порядок явно испытывают процесс значительных перемен.

Как уже сказано, мы предположили, что события Арабской весны с конца 2010 г. начали процесс реконфигурации Мир-Системы¹. События, произошедшие в последующем на Ближнем и Среднем Востоке, на Украине, а также на Дальнем Востоке (Гринин 2014), все больше подтверждали, что реконфигурация Мир-Системы началась и идет довольно активно. Мы рассматриваем эти кризисы и потрясения именно как такие «реконфигуративные» кризисы, которые одновременно являются и геополитическими, требующими изменения мирового порядка. При этом становится все более вероятным возникновение мощных и, вероятно, внезапных кризисов в тех или иных обществах или регионах. Их внезапность может оказаться сродни землетрясению. И, продолжая геологические сравнения, стоит заметить, что подобно тому, как тектонические сдвиги происходят по линии наиболее подвижной земной коры и на границе тектонических плит, такого рода реконфигурационные кризисы также возникают в регионах и обществах, наименее устойчивых и лежащих на стыках геополитических «плит»².

Таким образом, многое свидетельствует о начале глобальной реконфигурации. Такие изменения могут происходить в различных

¹ Почему этот процесс начался именно в арабских странах? С точки зрения процесса глобализации сложно игнорировать факт, что разрыв между уровнем экономического, технологического и культурного развития, с одной стороны, и ментальности, влияния религии на жизнь, законодательство, семейные отношения и пр. – с другой, среди других цивилизаций и культурных зон был наибольшим. Именно здесь женщины имеют наименьшие права по сравнению с мужчинами, но в то же время уровень образования, культуры и восприятия мира среди женщин явно превосходит уровень их прав. Влияние религии на все аспекты жизни, включая законы и финансы, много выше, чем в других регионах, в то время как религиозной терпимости нет во многих арабских странах. Последние не могут бесконечно игнорировать эти проблемы, тем более в связи с высоким уровнем миграции в европейские страны вместе с усилением открытости для медиа, которые влияют на ранее идеологически закрытые общества (подробнее см.: Гринин, Исаев, Коротаев 2016).

² На стыках находятся также общества Закавказья и Средней Азии, Западного Китая (Тибет и Сянцзян), Западной Африки (на стыке исламской и Тропической Африки), некоторые регионы Южной Америки. Это довольно неустойчивые регионы, где уже проявляются некоторые симптомы кризиса либо они возможны (но это не означает, что они обязательно будут).

и неожиданных формах, а также в неожиданных местах³. Особенно важно, что весьма глубокий кризис имеет место в центре Мир-Системы (в США и Западной Европе). Таким образом, социально-политическая карта возможных «тектонических» изменений сегодня требует глубокого переосмысления. Мы видели и видим неожиданные повороты в Великобритании, которая выходит из Европейского союза, в Испании, например в связи с событиями в Каталонии, во Франции, которую потрясли протесты «желтых жилетов», в США начиная с прихода к власти Д. Трампа и до непрекращающихся волнений чернокожего населения и сочувствующих им белых. Все это и другое – элементы указанной реконфигурации. Наконец, коронавирусная пандемия 2020 г. стала даже полностью глобальным событием, которое вносит и внесет очень серьезный вклад в разрушение старого мирового порядка. И нынешний временный отказ от базовых прав граждан, закрытие границ, бесконтрольное использование искусственного интеллекта и т. п. вкпе с рецессией даст толчок для существенных изменений в дальнейшем.

2. Причины и механизмы реконфигурации. Проявления реконфигурационных напряжений и кризисов

Экономические аспекты. Процесс реконфигурации Мир-Системы очень сложен, соответственно, и причины его разнообразны. Указанные диспропорции между уровнем экономического развития и уровнем развития политических институтов проявляются на разных уровнях: на уровне отдельного общества, в региональном и мир-системном масштабах. При этом глобальные и локальные причины и особенности создают в каждом случае неповторимый вариант противоречий и проблем. В этой статье мы скажем только о наиболее важных, с нашей точки зрения, причинах и механизмах указанного процесса реконфигурации.

Начнем с того, что наблюдается ослабление экономической роли США как мир-системного гегемона. Это процесс, который идет уже достаточно долго (см., например: Kissinger 2001; 2014; Buchan-

³ В частности, на Ближнем Востоке неожиданные резкие изменения начались даже в странах Залива, казавшихся очень устойчивыми. Так, началось противостояние с Катаром других стран Залива, а в Саудовской Аравии в результате смерти короля к власти пришел амбициозный и резкий в поступках молодой наследник – принц Мухаммед ибн Салман. Да и кризис нефтяных цен сильно изменил ландшафт.

an 2002; Kupchan 2002; Todd 2003; Wallerstein 2003; Mandelbaum 2005; Kennedy 2008; Zakaria 2008; NIC 2008; 2012; Lachmann 1997; Grinin 2010; Гринин, Коротаев 2010; Grinin, Korotayev 2010; 2011; 2014a; 2014b; 2015b; 2016; Grinin, Ilyin, Andreev 2016; Grinin *et al.* 2017; Grinin, Tsirel, Korotayev 2015)⁴. «Сделать Америку снова великой» – этот лозунг Трампа откровенно говорит о потере прежнего уровня лидерства и о том, что ситуация в мире будет обостряться. Однако потеря США лидерской роли будет означать глубокие, по сути, коренные трансформации самой Мир-Системы, даже близкие последствия которых неясны. Вне всякого сомнения, судьба мира во многом зависит от того, как будут развиваться США, какую политику они выберут, какие повороты произойдут на этом пути. В свое время мы писали, что борьба все большей части мирового сообщества с растущим эгоизмом Соединенных Штатов, не желающих признавать общие интересы, будет составлять главную интригу современного глобального противоречия (Гринин 2005: 17; 2015: 13; 2018б: 509; Grinin *et al.* 2017; Grinin, Korotayev 2020). После прихода к власти Дональда Трампа это стало особенно очевидным, так как фронт противоречий расширился за счет игнорирования американцами интересов своих союзников. Мы также отмечали, что в результате этого ослабления в последние годы усиливается «беспорядок» в мире, причем особенно заметный вклад в него вносят действия США (Гринин 2015: 14; 2018б: 509–510). С приходом Трампа к власти и из-за его стремления изменить многие устоявшиеся отношения «беспорядок» еще больше усилился. Ведь политика Трампа резко усугубила противоречия между США и множеством стран, включая их ведущих торгово-экономических партнеров, что может стать критическим уже в обозримом будущем. Особенно сильно может повлиять развернувшаяся по всему фронту экономическая война с Китаем.

Исходя из сказанного, можно выделить две взаимосвязанные системы глобальных векторов развития. **Первая.** Главный вектор этой реконфигурации – ослабление центра Мир-Системы, то есть США и Запада, и одновременное усиление позиций целого ряда периферийных стран, в целом усиление развивающихся стран

⁴ Фактически разговоры о неизбежном упадке США начались еще в 1970-е гг., продолжались в 1980 и 1990-е (см., например: Vogel 1979; Kennedy 1987; Thompson 1988; Attali 1991; Colson, Eckerd 1991; Arrighi 1994; Frank 1998).

в мировой экономике и политике. Эти два противоположных вектора, тем не менее, вместе составляют единый процесс, названный нами Великой конвергенцией (Grinin, Korotayev 2014b; 2015a). В результате процесс реконфигурации Мир-Системы усиливается.

Вторая. Радикальные изменения в балансе экономических сил в мире создают объективные условия для изменения мирового порядка. Однако это не ведет к автоматическому изменению военно-политического баланса сил. Тем не менее происходит постепенное ослабление старого порядка, основанного на гегемонии США, и возникновение условий для создания нового мирового порядка (Grinin, Pyin, Andreev 2016). К сожалению, процесс этот идет «естественным», то есть стихийным и разрушительным образом.

Политические аспекты. Как уже сказано, подтягивание политической составляющей – это болезненный, турбулентный, конфликтный, и – что особенно важно для нас – местами революционный процесс. При этом кризисы и революционные движения могут возникать как в ослабляющемся центре Мир-Системы, так и на усиливающейся ее периферии. В случае центра причинами выступают противоречия между старыми амбициями (потребностями) и сокращающимися возможностями, в случае периферии это усиливающиеся диспропорции между быстро растущей экономикой и технологией, с одной стороны, и архаичными элементами политической и социальной системы – с другой.

Отметим, что указанные проблемы так или иначе влияют на международные отношения, на изменение мирового порядка. Особенно важно и заметно это в отношении США, где внутренняя межпартийная политическая борьба начинает приобретать характер гибридной гражданской войны (подробнее см.: Гринин 2020a). Это не только ослабляет и будет ослаблять страну дальше, но делает ее внешней политикой полной заложницей внутривнутриполитической борьбы. Одновременно попытки США с помощью различных мер (также принимающих в комплексе характер гибридной войны) сокрушить своих конкурентов и оппонентов в мире влияют на разрушение мирового порядка. В связи с отказом США исполнять подписанные и давно имплементированные международные договоренности забуксовала глобализация в ее старом издании. В результате экономическая глобализация откатывается назад (взять

хотя бы введение импортных тарифов и развал ВТО), а политическая постепенно расчищает себе пространство.

Итак, подтягивание политической составляющей к экономической в принципе означает переход к новому мировому порядку. Но такой переход будет идти в несколько этапов в течение довольно длительного времени. И важно понимать, что его начальной фазой является ослабление, расшатывание и/или разрушение старого порядка (а формирование нового порядка – это следующая фаза). Следовательно, в отношении ближайшего будущего речь идет о весьма конфликтном, нестабильном и турбулентном периоде, осложненном, как уже сказано, депрессивным экономическим развитием. Любое политическое изменение, которое происходит в национальном или региональном масштабе, даже любое заметное социально-политическое действие, которое ведет к дестабилизации или ее угрозе, тем более революция, в принципе ведет к усилению кризисных явлений в мире. Как показывают исследования, возможность революций и их победы во многом зависит от того, насколько благоприятен для них международный контекст (см., например: Goldfrank 1979; Goodwin, Skocpol 1989; Wickham-Crowley 1992⁵). Мы полагаем, что в целом процесс реконфигурации Мир-Системы для будущих революций скорее будет благоприятным, чем негативным.

Технологические аспекты. Есть и еще одна фундаментальная причина, которая определяет турбулентность будущего периода. Она связана с необходимыми условиями для будущих технологических трансформаций. Мы исходим здесь из своей теории принципов производства и производственных/технологических революций (Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015; Grinin 2006; 2007a; 2007b; 2012; Grinin L., Grinin A. 2013; 2014; 2015a; 2015b; 2016; 2020; Grinin L., Grinin A., Korotayev 2017a; 2017b; 2020). В настоящее время идет технологическая революция, которую мы назвали кибернетической (Там же). Мы выделяем в ней три главных фазы, причем завершающаяся фаза должна, по нашим расчетам, начаться в 2030/2040-е гг. и завершиться в 2070-е. Она будет связана с новой

⁵ О связи между мировым порядком и революциями/контрреволюциями см.: Armstrong 1993; Bisley 2004. О системной роли международного фактора для революционного процесса и революционных волн, включая Арабскую весну, см.: Lawson 2015.

мощной волной технологических инноваций⁶. Начальная фаза кибернетической революции происходила в период 1950–1990-х гг. В настоящее время мы переживаем ее вторую, модернизационную фазу, в процессе которой инновации распространяются в Мир-Системе очень широко, модельный ряд новых вещей невероятно расширяется. В то же время глубина инноваций меньше, чем в предшествующий период. Однако для такого широкого распространения инноваций и вовлечения новых регионов в кибернетическую революцию слишком большое различие в уровнях развития стран первого и третьего мира, имевшее место к 1990-м гг., было препятствием. Вот почему на этой фазе происходило и происходит некоторое выравнивание уровней развития прежде значительно различавшихся по экономическим показателям регионов. Широта распространения инноваций объясняет более высокие темпы роста периферии в 1990–2000-х гг., равно как и перетекание туда производств, характерных для предшествующих технологических укладов. Этот процесс, повторим, мы назвали Великой конвергенцией (см.: Grinin, Korotayev 2014a; 2014b; 2015a). Выравнивание уровней будет активно продолжаться и далее, захватывая новые сферы, однако оно уже начинает тормозиться. Почему? Это связано с тем, что: а) широкое распространение инноваций, рост образования и культуры уже привели и далее в еще большей степени приведут к возникновению противоречия между быстро изменившимися технологиями и уровнем производства, с одной стороны, и во многом еще оставшимися неизменными политическими и социальными отношениями – с другой. Это противоречие будет наблюдаться на двух уровнях: страновом (особенно в третьем мире) и глобальном, где требуются новые инструменты совместных решений; б) для того чтобы началась мощная новая волна технологических инноваций (связанная, в частности, с распространением самоуправляемых систем и ИИ), необходимы, по нашему мнению, серьезные политические изменения как в Мир-Системе в целом, так и во многих обществах. Иными словами, необходимо то самое подтягивание политической составляющей к экономической, о котором мы говорили выше. Отсюда можно предполагать, что в течение ближайшего десятилетия темпы роста некоторых государств, таких как Китай,

⁶ Это также будет обозначать формирование шестого технологического уклада (Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015; Grinin L., Grinin A. 2014; 2016).

в меньшей степени Индия, стран АСЕАН и др., замедлятся, а внутренние проблемы усугубятся⁷. В Китае уже наблюдается рецессия, существенное замедление мы видим в экономике ЮАР, России, Бразилии, Турции, Мексики и др.

Соответственно можно ожидать и значимого числа революций как части процесса подтягивания политической составляющей и изменения мирового порядка. Отсюда политические и социальные проблемы в этот период могут быть более острыми, причем, вполне вероятно, в рамках более широких, чем границы одной страны, как это проявилось в событиях Арабской весны. То есть могут начинаться волны революций. Таким образом, задержку перехода к новому мощному инновационному рывку обуславливает сложность изменения политических и социальных институтов в региональном и даже глобальном масштабах, включая и общемировые институты. Однако ломка таких институтов, как ВТО, ВОЗ, Международный уголовный суд, ООН, уже началась по инициативе США.

3. Революции в будущем

Вопрос, какое будущее ожидает революции в XXI столетии, стал активно дискутироваться в конце прошлого века. Он по-прежнему остается актуальным. Однако в качестве отправной точки для нашего анализа полезно будет упомянуть о дискуссии между Джеффом Гудвином и Эриком Селбином. Дж. Гудвин (Goodwin 2001) полагал, что поскольку демократия не благоприятствует революциям, в ближайшие десятилетия вряд ли случится такой же размах революций, какой наблюдался в период холодной войны. То есть широкие политические изменения, связанные с распространением демократии в 1990-е гг. (это так называемая третья волна демократизации по С. Хантингтону [Huntington 1991]), ведут к ситуации, когда революции теряют свою популярность и влияние. Это делает революции в будущем менее вероятными (см. также: Goodwin 1998). Э. Селбин (Selbin 2001) был не согласен с Гудвином и теми (Snyder 1999; Colburn 1994), кто утверждал, что распространение демократии сделает возникновение революций в будущем менее вероятным. Селбин исходил из того, что во многих странах

⁷ В то же время можно ждать ускорения развития многих африканских государств, возможно, также некоторых стран АТР.

демократические отношения слабые, а несправедливость и неравенство остаются сильными. И в конце концов люди, сталкиваясь с тяжелыми социальными проблемами при отсутствии возможности бороться с несправедливостью законным и удовлетворительным для них путем, не станут бесконечно это терпеть. А значит, революции в будущем неизбежны (Selbin 2001: 285–286). Он сделал вывод, что в будущем революции будут даже более вероятными, чем в предшествующие эпохи. Таким образом, именно Э. Селбин, хотя он несколько романтизирует революции, был намного более прав, чем Дж. Гудвин и другие, которые думали, что «мода» на революции прошла (см. также: *Idem* 2019). Мы видели очень много революций в предшествующие два десятилетия (которые были будущим во время описываемой дискуссии)⁸. Это показывает, что, несмотря на снижение роли революций в качестве прогрессивного орудия перестройки политической системы общества, многие причины, их порождающие, остаются и еще будут давать о себе знать длительное время. При этом «бенефициарами» революций могут стать и становятся противоположные силы, что местами придает революциям новые импульсы. Так, мы показывали (Гринин, Коротаяев, Малков 2010; Гринин, Исаев, Коротаяев 2016: 4–23), что СССР и социалистические страны длительное время инициировали революции в разных уголках мира. Но в конце 1980-х – начале 1990-х гг. они сами стали жертвами революций. США, которые особенно не приветствовали революции в течение десятилетий, в XXI в. стали активно продвигать цветные революции в разных странах. Правые силы, которые опасались левых революций, в ряде случаев, в частности в Латинской Америке, стали устраивать правые революции против находящихся у власти левых режимов.

Таким образом, в связи с вышеописанным процессом подтягивания политической составляющей глобализации к ее экономической составляющей мы ожидаем, что число революций, а также их роль в трансформации Мир-Системы не только не снизятся значительно, но в некоторых отношениях, скорее всего, даже вырастут. Все революции в этом плане, как уже сказано, составят общий поток трансформации и реконфигурации Мир-Системы и мирового порядка.

⁸ Их число было столь значительным также и потому, что в совершении революций в странах, пограничных с Россией, а также и в тех странах, где режимы не нравились США и европейским странам, последние активно инспирировали их.

Разумеется, определить вклад того или иного события в глобальной трансформации весьма сложно, но в целом даже если происходят перевороты или революции, которые, казалось бы, усиливают позиции США в краткосрочной перспективе (в той же Латинской Америке), тем не менее в среднесрочной и долгосрочной могут оказать на их позиции негативное влияние с учетом того, что поддерживать старый порядок США становится все сложнее. Соответственно, любые активные протестные действия, революции могут рассматриваться с этой точки зрения.

Но естественно, что особое значение могут иметь революции в крупных странах авторитарного типа, таких как Китай и Россия (каковые не исключены), или революционные движения в рамках стран с устойчивой демократией, а также волны революций.

3.1. Некоторые типы революций в будущем

Имеет смысл сначала рассмотреть роль революций в будущем с учетом тех распространенных типов революций, которые имели место в предшествующие периоды.

1. Революции как средство для облегчения модернизации все еще будут играть свою роль в недостаточно развитых странах, поскольку уровень экономического развития в них опережает уровень политической системы, а также создает высокий уровень неравенства в обществе. Такие революции обычно бывают социальными (социально-политическими). В настоящий момент еще много обществ находится в периоде, который можно определить как модернизацию. Особенно много их в Африке южнее Сахары. В этом регионе было, по сравнению с другими регионами, в целом не так уж много революций, и социальных из них – совсем мало. В XXI в. тенденция к росту социальных протестов усилилась (см.: Sadovskaya *et al.* 2019), в частности, события в Судане в 2019 г. (которые можно трактовать как аналог революции) подтверждают это. Поэтому при дальнейшем развитии африканских стран можно ожидать определенного числа социально-политических революций в будущем. Надо также иметь в виду, что Африка будет наиболее быстро демографически (и экономически) растущим континентом с большим количеством молодежи, что неизбежно повлечет за собой возникновение или усиление диспропорций, конфронтаций, острых проблем и расслоения. А с учетом столь же быстро идущей

го процесса образования все это создаст достаточно материала для революций. Но в целом мы не ожидаем роста числа таких революций по сравнению с последней третью XX в., вполне вероятно даже, что оно уменьшится.

2. Революции как средство демократизации авторитарных обществ будут продолжаться, но часто будут вести к неконсолидированной демократии. Можно ожидать значимого количества антидиктаторских (демократических) революций, поскольку авторитарных или полуавторитарных режимов еще немало⁹. Эрик Селбин даже говорит в отношении последнего времени об авторитарном реваншизме (см.: Selbin 2019). Кроме того, в странах со слабой демократией возможны революции, которые стоило бы назвать олигархическими, когда борьба за власть тех или иных ведущих олигархических групп ведется в том числе и с помощью революционных действий (под демократическими, социальными или националистическими лозунгами). Украина может быть хорошим примером того, как это происходит. Число антидиктаторских (демократических) революций (в том числе цветных) было весьма велико в предшествующие десятилетия (о цветных революциях см.: Aslund, McFaul 2006; Nepstad 2011; Bunce, Wolchik 2011; Goldstone 2014; Mitchell 2012; Beck 2014; Lawson 2015; Гринин, Коротаев, Малков 2010; Гринин, Исаев, Коротаев 2016; Grinin, Korotayev, Tausch 2019), но, возможно, оно не сократится или сократится не так сильно и в дальнейшем. Тем более что роль революций как геополитического оружия может возрасть. Соответственно, можно ждать какого-то количества цветных революций или их новой разновидности. Латинская Америка, видимо, по-прежнему будет регионом со значимым числом таких революций. В частности, влияние США на расклад политических сил в Латинской Америке время от времени вызывает в тех или иных странах удачные или неудачные попытки революций (последние примеры – Боливия и Венесуэла). При этом появились и новые формы аналогов революции – конституционные революции, связанные, в частности, с отстранением президентов от власти (Аргентина, Бразилия)¹⁰.

⁹ Некоторые исследователи идентифицируют особого рода нестабильность в промежуточных режимах между консолидированной демократией и твердым авторитаризмом (см.: Esty *et al.* 1999; Goldstone *et al.* 2003; 2010).

¹⁰ Возможно, как особый случай такого рода аналогов революций можно рассматривать движение за импичмент президента Южной Кореи Пак Кын Хе, которая

3. Национальные революции, направленные на отделение, вполне возможны. В статье (Гринин Л. Е, Гринин А. Л. 2020) мы проводили различия между национальными и национально-освободительными революциями¹¹. В настоящее время меньше шансов на начало национально-освободительных революций (колоний не осталось, во многих случаях нетитульные нации имеют какие-то формы представительства), но в рамках полиэтничных наций борьба за расширение автономии или отделение вполне вероятны. И здесь также Африка может быть континентом, в котором это будет происходить более интенсивно. Возможно, на место межэтнических войн и геноцида придут национальные революции.

4. Вероятны, хотя они будут редкими, религиозные революции, в том числе не исключены и революционные протесты исламского меньшинства в европейских странах. Не исключены также революционные подъемы и в многоконфессиональных странах, особенно большое влияние могут иметь такие события в Индии, националистические власти которой в последнее время стали откровенно притеснять другие конфессии (особенно ислам).

5. Следует ожидать некоторого количества революционных движений (возможно, без революций¹²) в странах мир-системного ядра (см. ниже).

Таким образом, исходя из указанных типов революций, можно сказать, что революционный процесс в дальнейшем будет иметь

была впоследствии осуждена. Стоит указать на новый тип «электоральных» революций, которые случаются без предшествующих протестов и революционных акций (например, в Тунисе или на Украине в 2019 г.).

¹¹ В целом, конечно, разделение их не всегда является легким. Национально-освободительные революции связаны с борьбой за независимость территорий или колоний, которые имели слабую автономию и возможности для самовыражения, а также часто были территориально отделены от главной территории (метрополии). Национальные чаще связаны с борьбой за более широкие права или независимость, в основном в территориально единых государствах, при этом уже имеющих какую-то автономию и представительство. События 2019 г. в Гонконге, возможно, следует характеризовать как национальное движение или даже национальную революцию.

¹² То есть когда у движения нет четких требований и/или эти требования имеют ограниченный характер и не затрагивают основ политического режима. Однако протест может быть активным и длительным. Примером является движение «желтых жилетов». Однако такие движения, особенно в странах с авторитарным уклоном, часто перерастают в революции. Движение *Black Lives Matter* («Жизни темнокожих имеют значение») в США в 2020 г. – еще один хороший пример.

несколько достаточно тесно связанных между собой составляющих. Это: 1) продолжение давно идущего процесса, в результате которого революции смещаются все дальше от центра Мир-Системы, затрагивая страны, которые «дозревают» до революций или определенного типа революций (в будущем это в особенности Африка); 2) развитие процессов демократизации и становления национальных государств, которые идут с XIX в., в современных условиях. Это антидиктаторские и национальные революции в разных странах, происходящие по разным причинам. Их нередко можно рассматривать как постмодернизационные революции, поскольку происходят они в обществах, достигших достаточно высокого уровня, но имеющих серьезные внутренние диспропорции либо пошедших неверным курсом во внутренней политике; 3) революции, используемые в качестве геополитического оружия. Их роль может вырасти, поскольку, как уже сказано, идет изменение баланса сил в мире, что вызывает обострение борьбы между крупными державами, ведущими гибридные войны друг с другом. Революции в странах, находящихся в сфере влияния соперника, инициированные с целью оторвать их от него, являются весьма сильным геополитическим оружием; 4) революционные движения в странах, близких к ядру Мир-Системы, что связано с реконфигурацией последней, трансформацией мирового порядка, ослаблением экономики развитых стран, их политических систем и способности выдвигать сильных лидеров.

3.2. Будущие революции в других аспектах анализа

Попробуем в отношении будущего революций рассмотреть несколько аспектов: 1) оценка их количества в сравнении с предыдущим периодом; 2) их роль как орудия, определяющего будущий прогресс обществ и Мир-Системы; 3) глубина и сила революций; 4) вероятность революционных волн; 5) возможное изменение форм революционных событий.

1. **Количество революций.** Мы полагаем, что в будущем (по крайней мере, в ближайшие два десятилетия) число революций существенно не уменьшится по сравнению с их числом в предшествующие два десятилетия, и даже, не исключено, это число увеличится. И это связано с тем, что их роль в реконфигурации Мир-

Системы будет значимой, а сама реконфигурация ускорится. Такие революции, возможно, станут важным фактором реконфигурации Мир-Системы.

2. **Вопрос о роли революций как орудий прогресса** мы уже неоднократно затрагивали. Но это сложная проблема, в которой можно выделить три измерения. Первое – роль революций как двигателя прогресса в отдельных обществах, переживающих революцию. Мы отмечали (Гринин 2017а; 2017б), что такая роль с течением исторического прогресса снижается, а риск попадания революционных обществ в порочный круг бесконечных переворотов возрастает. Поэтому в будущем, как и раньше, некоторые страны могут попадать в довольно длительный период революционных эпох. Это означает, что страны, которые пережили революции, но их политическая система никак не установится (как в Грузии или на Украине), могут пережить их вновь. Они будут попадать в своего рода революционную ловушку. По-прежнему продолжается революционная эпоха в обществах Ближнего Востока, переживших революцию: Египет, Сирия, Йемен, Ливия. При этом в трех последних следует говорить о еще более тяжелом периоде – своего рода смутной эпохе¹³. Что касается новых путей развития отдельных обществ, то революции могут создать новые альтернативы развития внутри отдельных обществ. Однако шансы, что такие альтернативы будут лучше, чем развитие в рамках авторитарного общества, в современную эпоху не слишком велики¹⁴.

Второе измерение – роль революций как способа формирования передовых моделей развития, которые становятся образцом для подражания для других стран (как это было в XVII–XVIII вв.). С другой стороны, можно утверждать, что роль революций в историческом процессе как событий, которые прокладывают пути на новые уровни, модели и траектории развития, постепенно уменьшается и будет уменьшаться. Имел место длительный период с

¹³ Это период, когда значимость центральной власти уменьшается или вовсе исчезает, так что страна фактически или в значительной мере распадается на несколько конфликтующих территорий, ни одна из которых не способна объединить страну. Ситуация в Ливии является классическим примером такой смутной эпохи.

¹⁴ Кроме того, есть небезосновательная точка зрения, что революции скорее препятствуют развитию демократии и экономическому росту, чем способствуют ему (Eckstein 1982; 1986; Gurr 1988; Zimmermann 1990; Chirot 1991; Haggard, Kaufman 1995; Weede, Muller 1997; Goldstone 2001; Kurzman 2008).

XVI по XIX в., когда некоторые революции создавали такие политические режимы, которые становились моделью для многих стран и в результате давали простор для развития как отдельных государств, так и Мир-Системы в целом. Речь идет о возникающих в результате революции и после революционных преобразований системе выборов, конституционной демократии, партийной демократии, республиканских режимах, равных правах и т. п. Социальные революции начала XX в., при том что они не позволили построить общества с более высокой производительностью и уровнем жизни, все же давали важные модели социальных изменений, многие из которых потом так или иначе были внедрены во всем мире. В настоящий момент трудно ожидать, что какие-либо революции явят к жизни формы политического или социального режима, которые бы стали объектом для подражания в других обществах.

Третье направление – мир-системная роль революций, в том числе как результирующая изменения Мир-Системы в целом, перевода ее в новое состояние. При этом, как сказано выше, революции будут частью цепи других сложных, конфликтных и разрушительных событий разной природы, ведущих Мир-Систему к новому качеству. В любом случае роль революций будет оставаться значительной; она, по крайней мере, не уменьшится, а в чем-то, может быть, даже увеличится. Революции станут своего рода тараном, разрушающим старый мировой порядок и готовящим условия для возникновения нового. Таким образом, если революции не будут эффективным средством для продвижения вперед в рамках отдельных обществ, они станут играть важную роль в трансформации Мир-Системы в целом¹⁵. В рамках общей трансформации Мир-Системы и под влиянием общего мир-системного кризиса революционные события могут случиться в разных обществах, в том числе

¹⁵ Такую роль играли волны революций и в предшествующие эпохи, в частности после Первой и Второй мировых войн, а также в конце XX в., когда с их помощью был разрушен лагерь социализма и исчез биполярный мировой порядок. Не менее важно, что исторические аналогии подтверждают: революционные волны могут не только знаменовать крупномасштабные изменения в Мир-Системе, но и давать стимулы для крупномасштабных изменений в ней. Например, после волны революций 1848–1849 гг. наблюдались значительное развитие капитализма и формирование современной политической системы в Европе, которая сильно повлияла и на мир-системную периферию.

и в странах с устойчивой демократической системой, включая США. В этом случае роль революций как средства прогресса может быть значительной. При этом чем слабее будет роль революционного процесса как условия для перехода к новым моделям и уровням развития при сохранении или увеличении его роли в реконфигурации Мир-Системы, тем заметнее могут быть в революционном процессе революционные движения без революций. Последние также будут влиять на расшатывание порядка – как в отдельных странах, так и в Мир-Системе

Добавим еще одну важную мысль. В известной мере роль революций на уровне отдельного общества и на уровне Мир-Системы может выглядеть оппозиционной. Имеется в виду, что значение революции как орудия движения к новому уровню развития на уровне индивидуального общества может быть незначительным или даже негативным, но оно позитивно, если рассматривать каждую революцию как часть общемирового процесса реконфигурации Мир-Системы и движения к новому мировому порядку. Иными словами, каждое конкретное общество может быть принесено в жертву общемировому процессу и прогрессу Мир-Системы. Однако будущая судьба стран во многом зависит от исторической удачи. В масштабах же глобального мира цена изменений для отдельной страны фактически не так важна. Естественно-историческое развитие в рамках глобализации будет развиваться согласно принципу «нельзя приготовить яичницу, не разбив яйца». Соответственно, некоторые страны окажутся в положении этих «разбитых яиц». Поэтому тем, кто мечтает о революциях в своих странах, надо задуматься о том, хотят ли они, чтобы судьба их страны стала разменной монетой на пути к мировым изменениям.

В целом можно констатировать, что повышение уровня диспропорции между экономическим и социально-политическим развитием от отдельного общества до уровня Мир-Системы понижает прогрессивные возможности революции в каждом конкретном случае, но оставляет роль революционного процесса в целом достаточно значимой.

3. Глубина и сила революций в каждом конкретном случае будет зависеть от многих условий. Но можно предположить, что значительная часть будущих революций будет весьма поверхностной, подобно тем событиям, что произошли недавно в Армении

или Боливии. Падение прогрессивной роли революций на уровне отдельных обществ может вести и к падению глубины их преобразований. В этом случае революции будут напоминать многие военные перевороты, которые ведут лишь к смене лидера, без серьезных трансформаций в обществе.

4. Волны революций. Мы полагаем, что революции могут и в дальнейшем совершаться волнами, особенно если ситуация в мире будет резко изменяться. Крутые повороты могут вызывать реакцию в целом ряде стран, тем более с учетом расширяющихся информационных возможностей. Не является ли цепь революционных событий 2018–2020 гг. предвестником новых революционных волн?

5. Формы революций. С учетом сказанного о возможности революционных событий в центре Мир-Системы, в крупных странах, а также о роли революций в реконфигурации Мир-Системы, вполне возможно, что произойдут изменения и в формах революций. Разумеется, предугадать, какие именно появятся формы, крайне сложно. Однако обратим внимание на то, что в современном геополитическом противостоянии крупных держав войны изменили свой характер. Возникли так называемые гибридные войны, которые включают в себя самые разные средства воздействия на оппонента/противника, исключая только горячую войну. По аналогии с этим можно предположить, что если вместо горячих войн идут гибридные, то вместо классических революций и классических выборов в ряде случаев могут возникнуть гибридные формы борьбы за власть, которые будут включать в себя и революционные акции. Эти формы могут иметь место и в развитых демократических странах. В частности, внутрипартийное противостояние в США с 2016 г. представляет собой своего рода гибридную гражданскую войну. Особую роль в ней играют СМИ и систематические попытки использовать легальные рычаги, но имели место и массовые акции. Поэтому правомерно предполагать, что борьба за власть, ведущаяся в конституционных рамках (выборные компании и периоды между выборами), может дополняться какого-то рода революционными событиями, которые где-то способны выйти и на первый план. Так, движение *Black Lives Matter* в 2020 г. можно рассматривать как часть вышеуказанной гибридной гражданской войны в США (Гринин 2020a). Также будут развиваться формы социального протеста, возможно, даже имеет смысл говорить о будущем не столько

революций, сколько событий революционного типа. Такие события могут представлять перманентный процесс политических изменений, связанных с противостоянием частей общества или протестантов и правительства. Так, протесты «желтых жилетов» во Франции и выступления в Гонконге приняли весьма затяжной характер, но вполне возможно, что могут быть и еще более растянутые во времени акции.

4. Вместо заключения. О процессах и факторах нестабильности в афразийской макроразоне нестабильности в ближайшие десятилетия

Напомним, что афразийская макроразона нестабильности описывалась как единая и непрерывная территория, складывающаяся из четырех главных зон нестабильности: Центральноазиатской (включающей Афганистан и Пакистан), Ближневосточной, Североафриканской и региона Сахеля (Коротаев, Исаев 2014; Коротаев и др. 2014; 2015; Гринин и др. 2014; 2015; Korotayev *et al.* 2016). Также в рамках заявленной темы важно подчеркнуть, что и территории на границах афразийской макроразоны представляют собой довольно подходящие для процессов нестабильности и даже дестабилизации общества. Это касается и Закавказья, и бывшей Средней Азии, а также некоторых пограничных территорий между Пакистаном и Индией и Синьцзян-Уйгурского автономного района на западе Китая. Эти территории в отношении афразийской макроразоны нестабильности можно рассматривать как ее дальнюю периферию. Об этом мы еще скажем в других статьях данного выпуска (см.: Гринин 2020б; 2020в; 2020г). Даже европейские территории (такие как Косово) остаются «сейсмически опасными зонами», а также анклавами наркоторговли и организованной преступности.

Какие выводы и прогнозы можно сделать в отношении процессов и факторов нестабильности в ближайшие (и не только) десятилетия XXI в. на основе представленного в настоящей статье анализа о причинах этих потрясений? И как использовать эти выводы в прогнозах мест с наибольшей «сейсмической нестабильностью»? Прежде всего важно рассматривать не только революции, но и все другие формы нестабильности и дестабилизации (в широком спектре от войн до терроризма, от уличных беспорядков до различных

движений)¹⁶. При этом, как правило, различные формы дестабилизации взаимно дополняют и часто усиливают друг друга по типу положительной обратной связи (см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2020).

Так, мы наблюдали на Ближнем Востоке и в Северной Африке, как революции могут вести к гражданским войнам, сепаратизму, радикализму, реализующемуся в разных формах, сегментации обществ, распаду государственности, интервенциям, использованию боевиков (образовавших за годы внутригосударственной борьбы крупные отряды профессиональных бойцов) для военных действий в других государствах; при этом обычны обострение давно сложившихся этноконфессиональных противоречий, появление массы беженцев и т. д. Но процессы дестабилизации могут запускаться разными факторами. Например, американская интервенция в Ирак открыла почти двадцатилетний период нестабильности в этой стране и смежных с ней территориях, в том числе в виде так называемого «Исламского государства» и курдских де-факто государственных образований. Интервенция в Ливию в 2011 г. запустила там процесс свержения власти М. Каддафи и дезинтеграции еще не сложившегося ливийского государства. Военный контрреволюционный переворот А.-Ф. ас-Сиси в Египте в 2013 г. запустил процесс массового террора (затихшего было в Египте) и массовых репрессий, масштабы которых, казалось бы, немыслимы для XXI столетия. Попытки дестабилизировать режимы, которые не нравятся США (или другим геополитическим игрокам), например, путем все более ужесточающихся санкций, как это делается в отношении Ирана, имеют целью вызвать дестабилизационные (протестные) движения внутри этих стран за счет роста недовольства населения усиливающимися лишениями. Более подробно о факторах внешнего воздействия на процессы дестабилизации мы расскажем в: (Гринин 2020б).

Отсюда стоит повторить вывод, который делался нами в: (Гринин 2012а; Гринин, Исаев, Коротаев 2016). Свержение авторитарной власти в странах Ближнего Востока и Северной Африки

¹⁶ Кроме того, и в самых революционных формах, как сказано выше, произойдут существенные изменения, классических революций может стать меньше, а все большую роль могут играть революционные движения без ясных требований изменения режима.

(а также других частей афразийской зоны нестабильности), под какими бы благородными лозунгами оно ни проходило, часто ведет к возникновению очага нестабильности, влияющего и на соседние общества, причем этот очаг может существовать десятилетиями (см. также: Гринин 2020г). И поскольку мы полагаем, что как США, так и другие региональные и мировые игроки на Ближнем и Среднем Востоке будут повторять такие попытки при удобном случае, можно прогнозировать, что этот фактор – стремление к свержению твердой и цементирующей общество власти автократов – будет играть немаловажную роль в будущих процессах дестабилизации в странах афразийской макрзоны.

Мы считаем, что *афразийская макрзона будет генерировать процессы дестабилизации в течение длительного времени (хотя, естественно, сценарий и ход конкретных событий будут сильно зависеть от целого ряда обстоятельств) по многим причинам.*

Во-первых, будет сказываться общее воздействие процессов реконфигурации Мир-Системы, которые описаны выше. И это воздействие при прочих равных условиях тем заметнее и сильнее, чем более неустойчивой является социально-политическая и этноконфессиональная ситуация в том или ином регионе. Афразийская макрзона, особенно Ближний, Средний Восток и Североафриканская зона, является крайне неустойчивой и конфликтной, поэтому различные глобальные процессы неизбежно будут отражаться на ней в виде тех или иных дестабилизирующих событий. Так, внутривнутриполитическая борьба в США выразилась в резких колебаниях отношения к Ирану, Израилю, Саудовской Аравии с 2015 по 2020 г., что, соответственно, повлекло вмешательство Ирана в ситуацию в Ираке, Сирии и т. д., давление на Россию со стороны США и Европы – во вмешательство РФ в сирийские, а теперь и в ливийские дела, и т. д. (о некоторых процессах см.: Гринин, Исаев, Коротяев 2016).

Во-вторых, эти районы являются местом стыка различных интересов и векторов силы, о чем уже было сказано выше (см. также: Гринин 2020б).

В-третьих, при внешнем давлении может возникнуть синергетический эффект, если налицо внутренняя слабость и неустойчивость таких государств и обществ (см. также: Там же).

В-четвертых, слабость общества в подобных случаях очень часто связана с тем:

а) что в недавнем прошлом это было искусственное государственное образование, границы в котором были проведены по политическим мотивам;

б) отсутствуют прочные традиции государственности (см.: Гринин и др. 2017); общество этнически не монолитное, а разделенное, при этом конфликты между различными этносами, культурами, конфессиями, территориями или кланами очень значимы, а также легко вспыхивают.

В-пятых, большинство стран афразийской макрзоны в большей или меньшей степени соответствуют одному или нескольким из перечисленных параметров, не говоря уже о том, что в этой макрзоне имеются так называемые несостоявшиеся государства (failed states), такие как Афганистан и Йемен, а в результате процессов интервенции и дестабилизации к ним присоединились, по крайней мере, временно, Сирия, Ливия, Ирак (о несостоявшихся государствах см.: Гринин 2014; см. также: Он же 2020d). Имеются и непризнанные государства (вроде курдского на севере Ирака, а также Карабах на дальней периферии афразийской зоны). Соответственно, вполне можно ожидать различных проблем именно в подобного рода странах.

В-шестых, имеется группа стран монархического типа (прежде всего это страны Залива), в которых в будущем при наступлении тех или иных кризисных событий могут начаться дестабилизационные процессы (революции либо борьба элит) под лозунгом модернизации и демократизации. Если, конечно, не удастся мирным и безболезненным путем провести такую трансформацию режима. Но это сложный процесс, и шансы его осуществить не столь высоки, а вот «споткнуться» при таких реформах, к сожалению, значительно легче.

В-седьмых, часть стран афразийской макрзоны (особенно регион Сахеля), а также некоторые государства на Ближнем Востоке (например, Йемен) до сих пор характеризуются высокими темпами рождаемости и естественного прироста населения. Демографические прогнозы предполагают, что сокращение рождаемости начнется нескоро. Одновременно многие из таких стран неполностью мо-

дернизировались и урбанизовались. Отсюда опасность попадания таких стран в модернизационные ловушки, в частности в «молодежную ловушку» (см.: Гринин 2014; 2017*в*; 2017*г*; 2018*а*). Высокий темп прироста населения модернизирующихся стран – это повышенный риск дестабилизации для общества (см. также: Он же 2020*е*).

Таким образом, можно предполагать, что по целому ряду глобальных, региональных, культурно-религиозных и страновых причин многие общества афразийской макрзоны нестабильности достаточно длительное время будут испытывать повышенные риски дестабилизации. При этом часто в обществах будет присутствовать комплекс дестабилизационных явлений, то есть одновременно будут взаимодействовать, гибридизируясь, несколько компонентов дестабилизации (революции, гражданские войны, конфессиональные противостояния, интервенции, террор и т. д.), которые, к сожалению, могут открывать смутные эпохи (см. выше).

В других статьях этого выпуска мы даем факторный анализ причин и условий нестабильности в афразийской макрзоне.

* * *

Таким образом, новые десятилетия XXI в. обещают быть довольно активными, полными изменений, драматических столкновений, поиска пути к новым состояниям на уровне регионов и Мир-Системы, изменений в балансе мировых сил. И во всех этих процессах заметную роль могут играть революции и революционные события, характер которых обещает изменения, а также разные по типу иные дестабилизационные события. При этом мир-системная роль революций в ближайшее время, по-видимому, все меньше будет связана с поиском новых прогрессивных путей развития, которые могли бы быть важными или новыми в смысле создания модели для подражания. Однако сохранится или усилится их роль как одного из важных компонентов разрушения старой мировой системы, мирового порядка, как создания возможностей для формирования нового мирового порядка. В этом плане ее (в смысле прогрессивности) можно сравнить с ролью крупных войн, которые создают условия для изменения конфигурации регионов и мира, но имеют весьма разрушительную форму и высокую цену.

Библиография

- Гринин Л. Е. 2005.** Глобализация и национальный суверенитет. *История и современность* 1: 6–31.
- Гринин Л. Е. 2009.** Приведет ли глобальный кризис к глобальным изменениям? *Век глобализации* 2: 117–140.
- Гринин Л. Е. 2012а.** Арабская весна и реконфигурация Мир-Системы. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 3. Арабская весна 2011 года* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: ЛКИ/URSS. С. 188–223.
- Гринин Л. Е. 2012б.** Реконфигурация мира, или наступающая эпоха новых коалиций (возможные сценарии ближайшего будущего). *История и современность* 2: 3–27.
- Гринин Л. Е. 2014.** Риски модернизации и нестабильности в Афроевразии: история и современность. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 5* / Отв. ред. А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина, Л. Е. Гринин. Волгоград: Учитель. С. 95–127.
- Гринин Л. Е. 2015.** Новый мировой порядок и эпоха глобализации. Ст. 1. Американская гегемония: апогей и ослабление. Что дальше? *Век глобализации* 2: 2–17.
- Гринин Л. Е. 2016.** Индия и Китай: модели развития и перспективы в мире. *Комплексный системный анализ, математическое моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС: Предварительные результаты* / Отв. ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. М.: КРАСАНД. С. 246–276.
- Гринин Л. Е. 2017а.** Революции. Взгляд на пятисотлетний тренд. *Историческая психология и социология истории* 2: 5–42.
- Гринин Л. Е. 2017б.** Революции и исторический процесс. *Философия и общество* 3: 5–29.
- Гринин Л. Е. 2017в.** Из мальтузианской ловушки в ловушку модернизации. К прогнозированию динамики политической нестабильности в странах мир-системной периферии. *Проекты и риски будущего: Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Отв. ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Малков. М.: URSS. С. 337–356.
- Гринин Л. Е. 2017г.** Русская революция и ловушки модернизации. *Полис. Политические исследования* 4: 138–155.
- Гринин Л. Е. 2018а.** Модернизация и социально-политические кризисы. *Кондратьевские волны: к 125-летию со дня рождения Н. Д. Кондра-*

твева / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. Волгоград: Учитель. С. 86–115.

- Гринин Л. Е. 2018б.** Социально-экономические проблемы США и их влияние на дестабилизацию в мире в период президентства Д. Трампа. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 9. Социально-политическая и экономическая дестабилизация: анализ страновых и региональных ситуаций в мир-системном аспекте* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 508–535.
- Гринин Л. Е. 2020а.** Сложилась ли в Америке революционная ситуация? *Век глобализации* 3: 31–44.
- Гринин Л. Е. 2020б.** Глобальная и региональная геополитика как дестабилизационный фактор в афразийской зоне нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 11* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». С. 517–527.
- Гринин Л. Е. 2020в.** Радикальный исламизм, религиозный фактор и нестабильность в странах афразийской макрзоны нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 11* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». С. 810–828.
- Гринин Л. Е. 2020г.** Движение к устойчивым демократическим отношениям и национальному государству как длительный фактор возможной дестабилизации в странах афразийской макрзоны нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 11* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». С. 686–716.
- Гринин Л. Е. 2020д.** Движение обществ к зрелым социально-политическим и экономическим отношениям как длительный фактор возможной дестабилизации в странах афразийской макрзоны нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 11* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». С. 666–693.
- Гринин Л. Е. 2020е.** Демографические процессы как базовый и длительный фактор возможной дестабилизации в странах афразийской макрзоны нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 11* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». С. 181–199.
- Гринин Л. Е., Билюга С. Э., Коротаев А. В., Гринин А. Л. 2017.** Возраст государства и социально-политическая дестабилизация: предварительные результаты количественного анализа. *Системный мониторинг*

- глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 8 / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 141–169.*
- Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015.** *От рубил до нанороботов. Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем (история технологий и описание их будущего).* М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2020.** Революции XX века: теоретический и количественный анализ. *Полис. Политические исследования* 5: 130–147. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.10>.
- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2016.** *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке.* 2-е изд., испр. и доп. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2010.** *Глобальный кризис в ретроспективе. Краткая история подъемов и кризисов от Лукурга до Алана Гринспена.* М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2014.** Риски дестабилизации в контексте нарастающей неопределенности в «афразийской» зоне. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 5 / Отв. ред. А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина, Л. Е. Гринин.* Волгоград: Учитель. С. 4–10.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2015.** Введение. Реконфигурация Мир-Системы и усиление рисков политической нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 6. Украинский разлом / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина.* Волгоград: Учитель. С. 4–19.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2010.** Введение. Русские революции в столетней ретроспективе. *О причинах Русской революции / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков.* М.: Изд-во ЛКИ. С. 5–24.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Цирель С. В. 2011.** *Циклы развития современной Мир-Системы.* М.: ЛИБРОКОМ.
- Зинькина Ю. В., Гринин Л. Е., Ильин И. В., Андреев А. И., Алешковский И. А., Шульгин С. Г., Коротаев А. В. 2017.** *Историческая глобалистика. Т. 2. XIX век.* М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Коротаев А. В., Исаев Л. М. 2014.** Формирование «афразийской» зоны нестабильности. *Арабский кризис и его международные последствия / Ред. А. М. Васильев, А. Д. Саватеев, Л. М. Исаев.* М.: Ленанд/URSS. С. 206–227.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Руденко М. А. 2014.** Ортокузенный брак, женская занятость и «афразийская» зона нестабильности. *Системный*

мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 5 / Отв. ред. А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина, Л. Е. Гринин. Волгоград: Учитель. С. 180–207.

Коротаев А. В., Исаев Л. М., Руденко М. А. 2015. Формирование афразийской зоны нестабильности. *Восток* 2: 88–99.

Armstrong D. 1993. *Revolution and World Order: The Revolutionary State in International Society*. New York: Oxford University Press.

Arrighi G. 1994. *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times*. London: Verso.

Aslund A., McFaul M. 2006. *Revolution in Orange*. Washington: Carnegie Endowment for International Peace.

Attali J. 1991. *Millennium: Winners and Losers in the Coming World Order*. New York, NY: Times Books.

Beck C. J. 2014. Reflections on the Revolutionary Wave in 2011. *Theory and Society* 43: 197–223.

Bisley N. 2004. Counter-Revolution, Order and International Politics. *Review of International Studies* 30(1):49–69

Buchanan P. J. 2002. *The Death of the West: How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperil Our Country and Civilization*. New York: St. Martin's Griffin.

Bunce V. J., Wolchik S. L. 2011. *Defeating Authoritarian Leaders in Post-communist Countries*. Cambridge: Cambridge University Press.

Chirot D. 1991. *The Crisis of Leninism and the Decline of the Left: the Revolutions of 1989*. Seattle: University of Washington Press.

Colburn F. 1994. *The Vogue of Revolution in Poor Countries*. Princeton: Princeton University Press.

Colson C., Eckerd J. 1991. *Why America doesn't Work?* Dallas: Word Pub Group.

Eckstein S. 1982. The Impact of Revolution on Social Welfare in Latin America. *Theory and Society* 11: 43–94.

Eckstein S. 1986. The Impact of the Cuban Revolution: a Comparative Perspective. *Comparative Studies in Society and History* 28: 503–34.

Esty D., Goldstone J. A., Gurr T. R., Harff B., Levy M., Dabelko G. D., Surko P., Unger A. N. 1999. State Failure Task Force Report: Phase II Findings. *Environmental Change & Security Project Report 5* (Summer). URL: https://www.researchgate.net/publication/247638675_State_Failure_Task_Force_Report_Phase_II_Findings.

- Frank A. G. 1998.** *ReOrient: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Goldfrank W. L. 1979.** Theories of revolution and revolution without theory: the case of Mexico. *Theory and Society* 7: 135–165.
- Goldstone J. A. 2001.** Toward a Fourth Generation of Revolutionary Theory. *Annual Review of Political Science* 4: 139–187.
- Goldstone J. A. 2014.** *Revolutions. A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Goldstone J., Bates R., Epstein D., Gurr T., Lustik M., Marshall M., Ulfelder J., Woodward M. 2010.** A Global Model for Forecasting Political Instability. *American Journal of Political Science* 54(1): 190–208.
- Goldstone J., Gurr T., Harff B., Levy M., Marshall M., Bates R., Epstein D., Kahl C., Surko P., Ulfelder J., Unger A. Jr. 2003.** *State Failure Task Force Report: Phase III Findings*. McLean: Science Applications International Corporation (SAIC).
- Goodwin J. 1998.** *Is the Age of Revolution Over?* Minneapolis: International Studies Association.
- Goodwin J. 2001.** Is the Age of Revolution Over? *Revolution: International Dimensions* / Ed. by M. Katz. Washington, D.C.: CQ Press. Pp. 272–283.
- Goodwin J., Skocpol T. 1989.** Explaining Revolutions in the Contemporary Third World. *Politics & Society* 17(4): 489–509.
- Grinin L. 2006.** Periodization of History: a Theoretic-mathematical Analysis. *History & Mathematics: Analyzing and Modeling Global Development* / Ed. by L. Grinin, V. de Munck, A. Korotayev. Moscow: KomKniga. Pp. 10–38.
- Grinin L. 2007a.** Production Revolutions and Periodization of History: a Comparative and Theoretic-mathematical Approach. *Social Evolution & History* 6(2): 75–120.
- Grinin L. 2007b.** Production Revolutions and the Periodization of History. *Herald of the Russian Academy of Sciences* 77(2): 150–156.
- Grinin L. E. 2009.** Transformation of Sovereignty and Globalization. *Hierarchy and Power in the History of Civilizations: Political Aspects of Modernity* / Ed. by L. E. Grinin, D. D. Beliaev, A. V. Korotayev. Moscow: LIBROCOM/URSS. Pp. 191–224.
- Grinin L. E. 2010.** Which Global Transformations would the Global Crisis Lead to? *Age of Globalization* 2: 31–52.
- Grinin L. 2012.** *Macrohistory and Globalization*. Volgograd: Uchitel.

- Grinin L., Grinin A. 2013.** Macroevolution of Technology. *Evolution: Development within Big History, Evolutionary and World-System Paradigms* / Ed. by L. Grinin, A. Korotayev. Volgograd: Uchitel. Pp. 143–178.
- Grinin L., Grinin A. 2014.** The Sixth Kondratieff Wave and the Cybernetic Revolution. *Kondratieff Waves, Juglar – Kuznets – Kondratiev: Yearbook* / Ed. by L. Grinin, T. Devezas, A. Korotayev. Volgograd: “Uchitel” Publishing House. Pp. 354–378.
- Grinin L., Grinin A. 2015a.** The Cybernetic Revolution and Historical Process. *Social Evolution and History* 14(1): 125–184.
- Grinin L., Grinin A. 2015b.** Global Technological Perspectives in the Light of Cybernetic Revolution and Theory of Long Cycles. *Journal of Globalization Studies* 6(2): 119–142.
- Grinin L., Grinin A. 2016.** *The Cybernetic Revolution and the Forthcoming Epoch of Self-Regulating Systems*. Moscow: Moscow Branch of the Uchitel Publishing House.
- Grinin L., Grinin A. 2020.** The Cybernetic Revolution and the Future of Technologies. *The 21st Century Singularity and Global Futures. A Big History Perspective* / Ed. by A. V. Korotayev, D. LePoire. Cham: Springer. Pp. 377–396. URL: https://doi.org/10.1007/9783-030-33730-8_17.
- Grinin L., Grinin A., Korotayev A. 2017a.** The MANBRIC-Technologies in the Forthcoming Technological Revolution. *Industry 4,0 – Entrepreneurship and Structural Change in the New Digital Landscape: What is Coming on Along with the Fourth Industrial Revolution* / Ed. by T. Devezas. Cham: Springer. Pp. 243–261.
- Grinin L., Grinin A., Korotayev A. 2017b.** Forthcoming Kondratieff Wave, Cybernetic Revolution, and Global Ageing. *Technological Forecasting & Social Change* 115: 52–68. URL: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2016.09.017>.
- Grinin L., Grinin A., Korotayev A. A. 2020.** Quantitative Analysis of Worldwide Long-term Technology Growth: From 40,000 BCE to the Early 22nd Century. *Technological Forecasting & Social Change* 155: 1–15. URL: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.119955>.
- Grinin L. E., Ilyin I. V., Andreev A. I. 2016.** World Order in the Past, Present, and Future. *Social Evolution & History* 15(1): 58–84.
- Grinin L., Korotayev A. 2010.** Will the Global Crisis Lead to Global Transformations? 2. The Coming Epoch of New Coalitions. *Journal of Globalization Studies* 1(2): 166–183.
- Grinin L., Korotayev A. 2011.** The Coming Epoch of New Coalitions: Possible Scenarios of the Near Future. *World Futures* 67(8): 531–563.

- Grinin L., Korotayev A. 2012a.** Does “Arab Spring” Mean the Beginning of World System Reconfiguration? *World Futures* 68(7): 471–505.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2012b.** The Coming Epoch of New Coalitions: Possible Global Scenarios. *Globalistics and Globalization Studies* / Ed. by L. E. Grinin, I. V. Ilyin, A. V. Korotayev. Volgograd: Uchitel. Pp. 366–393.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2014a.** Globalization and the Shifting of Global Economic-political Balance. *The Dialectics of Modernity – Recognizing Globalization* / Ed. by E. Kiss. Budapest: Publisher house Aristotelész. Pp. 184–207.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2014b.** Globalization Shuffles Cards of the World Pack: In Which Direction is the Global Economic-political Balance Shifting? *World Futures* 70(8): 515–545.
- Grinin L., Korotayev A. 2015a.** *Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective*. Heidelberg; New York; Dordrecht; London: Springer.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2015b.** Globalization, Revolutions, and Democracy. *Globalistics and Globalization Studies* 4: 87–109.
- Grinin L., Korotayev A. 2016.** MENA Region and the Possible Beginning of World System Reconfiguration. *Comparative Political and Economic Perspectives on the MENA Region* / Ed. by M. M. Erdogdu, B. Christiansen. Hershey, PA: Information Science Reference. Pp. 28–58.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2020.** Seven Weaknesses of the U.S., Donald Trump, and the Future of American Hegemony. *World Futures. The Journal of New Paradigm Research* 76. URL: DOI: 10.1080/02604027.2020.1801309.
- Grinin L., Korotayev A., Issaev L., Shishkina A., Ivanov E., Meshcherina K. 2017.** *World Order Transformation and Sociopolitical Destabilization*. Moscow: National Research University Higher School of Economics (Series: International Relations, WP BRP 29/IR/2017).
- Grinin L. E., Korotayev A. V., Tausch A. 2016.** *Economic Cycles, Crises, and the Global Periphery*. Heidelberg; New York; Dordrecht; London: Springer.
- Grinin L., Korotayev A., Tausch A. 2019.** Islamism, Arab Spring, and the Future of Democracy. *World System and World Values Perspectives*. N. p.: Springer.
- Grinin L. E., Tsirel S. V., Korotayev A. V. 2015.** Will the Explosive Growth of China Continue? *Technological Forecasting and Social Change* 95: 294–308.
- Gurr T. R. 1988.** War, Revolution, and the Growth of the Coercive State. *Comparative Political Studies* 21: 45–65.

- Haggard S, Kaufman R. R. 1995.** *The Political Economy of Democratic Transitions*. Princeton: Princeton University Press.
- Huntington S. 1991.** *The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman, London: University of Oklahoma Press.
- Kennedy P. 1987.** *The Rise and Fall of Great Powers 1500–2000*. New York: Random House.
- Kennedy P. 2008.** Is this the End of the American Era? *The Sunday Times*. October 12. URL: http://www.thesundaytimes.co.uk/sto/news/world_news/article241555.ece.
- Kissinger H. 2001.** Does America Need a Foreign Policy? *Toward a Diplomacy for the 21st Century*. New York: Simon & Schuster.
- Kissinger H. 2014.** *World Order*. New York: Penguin Press.
- Korotayev A., Issaev L., Rudenko M., Shishkina A., Ivanov E. 2016.** Afrasian Instability Zone and its Historical Background. *Social Evolution & History* 15(2): 120–140.
- Kupchan C. A. 2002.** *The End of the American Era*. New York, NY: Knopf.
- Kurzman C. 2008.** *Democracy Denied 1905–1915: Intellectuals and the Fate of Democracy*. Cambridge: Harvard University Press.
- Lachmann R. 1997.** Agents of Revolution: Elite Conflicts and Mass Mobilization from the Medici to Yeltsin. *Theorizing Revolutions* / Ed. by H. Foran. London: Routledge. Pp. 73–101.
- Lawson G. 2015.** Revolutions and the International. *Theory and Society* 44: 299–319.
- Mandelbaum M. 2005.** *The Case for Goliath: How America Acts as the World's Government in the Twenty-First Century*. New York, NY: Public Affairs.
- Mitchell L. A. 2012.** *The Color Revolutions*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Nepstad S. 2011.** *Nonviolent Revolutions*. New York: Oxford University Press.
- NIC (National Intelligence Council). 2008.** *Global Trends 2025: A Transformed World*. Washington, DC: National Intelligence Council.
- NIC (National Intelligence Council). 2012.** *Global Trends 2030: Alternative Worlds*. Washington, DC: National Intelligence Council. URL: www.dni.gov/nic/globaltrends.
- Sadovskaya L. M., Fakhrutdinova N. Z., Kochanova T. V. 2019.** Global Political Destabilization and Modern Civic Protest Movements in Sub-Saharan Africa. *Journal of Globalization Studies* 10(2): 77–90.

- Selbin E. 2001.** Same as It Ever Was: The Future of Revolution at the End of the Century. *International Dimensions* / Ed. by M. Katz. Washington, D.C.: CQ Press. Pp. 284–297.
- Selbin E. 2019.** Resistance and Revolution in the Age of Authoritarian Revanchism: The Power of Revolutionary Imaginaries in the Austerity-Security State Era. *Millennium* 47(3): 483–496.
- Snyder R. 1999.** The End of Revolution? *Review of Politics* 61(1): 5–28.
- Thompson W. R. 1988.** *On Global War: Historical-structural Approaches to World Politics*. Columbia, SC: University of South Carolina Press.
- Todd E. 2003.** *After the Empire: The Breakdown of American Order*. New York, NY: Columbia University Press.
- Vogel E. F. 1979.** *Japan as Number One: Lessons for America*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Wallerstein I. 2003.** *The Decline of American Power. The U.S. in a Chaotic World*. New York, NY: New Press.
- Weede E., Muller E. N. 1997.** Consequences of Revolutions. *Rationality and Society* 9(3): 327–350.
- Wickham-Crowley T. 1992.** *Guerrillas and Revolution in Latin America*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Zakaria F. 2008.** *The Post-American World*. New York: W. W. Norton.
- Zimmermann E. 1990.** On the Outcomes of Revolutions: Some Preliminary Considerations. *Sociological Theory* 8: 33–47.